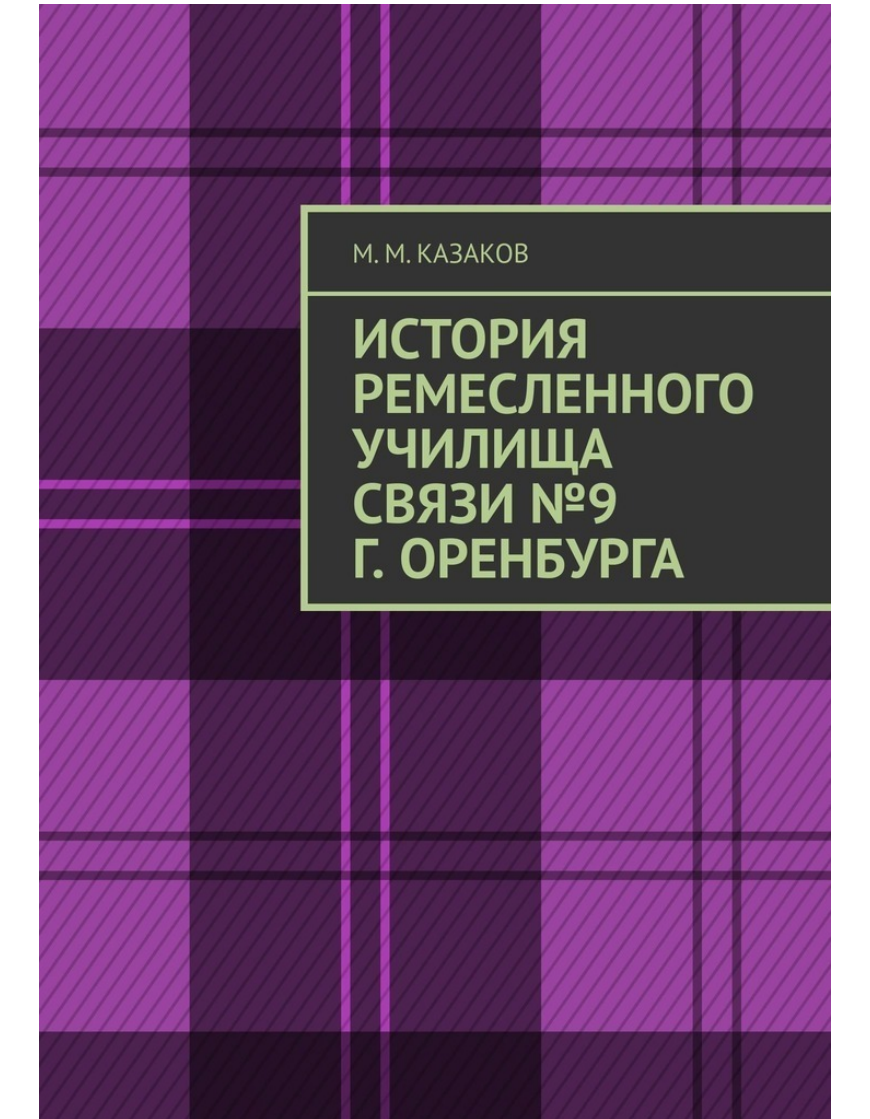

М. М. КАЗАКОВ

**ИСТОРИЯ
РЕМЕСЛЕННОГО
УЧИЛИЩА
СВЯЗИ №9
Г. ОРЕНБУРГА**

М. М. Казаков

**История ремесленного
училища связи №9 г. Оренбурга**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64038041
ISBN 9785005328489*

Аннотация

Книга повествует о трудном пути создания училища, о военных годах. О выживании в тяжелейших условиях эвакуации и обустройства на пустом месте. О людях, сохранивших жизни учеников и давших им образование.

Содержание

1. А ПОКА БЫЛА МИРНАЯ ЖИЗНЬ	5
2. НАЧАЛО ВОЙНЫ	11
3. ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

История ремесленного училища связи №9 г. Оренбурга

М. М. Казаков

© М. М. Казаков, 2021

ISBN 978-5-0053-2848-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. А ПОКА БЫЛА МИРНАЯ ЖИЗНЬ

В декабре 1939 года я был назначен директором Смоленской школы ФЗУ связи (школы фабрично-заводского ученичества), расположенной вблизи Смоленска, в старинном купеческом городе Духовщина.

Школа имела учебный корпус с учебными мастерскими, кабинетами и классами, небольшое здание столовой на территории училища, собственный учебный радиоузел регулярно, без выходных дней работавший с 6 до 24 часов, обслуживавший училище и свыше 300 квартир граждан, проживающих в этом районе города. Имела и свою учебную дизельную энергобазу, обслуживающую школу и, даже, жилые дома, расположенные на ближайших улицах. Школа готовила надсмотрщиков (монтёров) телефонно-телеграфных линий связи, монтёров телефонных станций, радиоузлов и операторов почтовой связи (девочки).

В это время ЦК ВКП (б) и Совнарком готовили закон о создании Государственных трудовых резервов, предназначенных для покрытия дефицита квалифицированных рабочих кадров в народном хозяйстве страны. О предстоящем принятии этого решения очень много писала пресса, называя его историческим, а его творцом – лично Сталина. Как было тогда принято всё, что связывалось с именем Сталина, становилось главным в работе государственных, партийных и хозяйственных органов. Действительно, эта форма подготовки рабочих кадров не имела аналогов в мировой прак-

тике: впервые училища должны были комплектоваться, как и армия в порядке организованного призыва, с постановкой учащихся на полное государственное бесплатное обеспечение форменным обмундированием, общежитием, учебными пособиями и т. д.

Весной 1940 года меня вызвали в Обком партии и сообщили, что во второй половине этого года наша школа ФЗУ будет реорганизована в ремесленное училище и что к моменту принятия Закона о создании государственных трудовых резервов, которое ожидается во второй половине этого года, материальная база училища должна в корне измениться и соответствовать высоким требованиям Сталинских трудовых резервов. Это было для коллектива очень серьёзной задачей: нужно было в сжатые сроки провести выпускные экзамены последнего выпускного контингента школы ФЗУ, распределить выпускников по местам работы и снабдить их соответствующими документами, провести очень большой ремонт весьма изношенных учебно-производственных помещений и общежитий, найти в городе другое помещение под ученическую столовую потому, что имеющаяся у нас столовая, предоставлявшая учащимся ФЗУ питание за плату, ни по оборудованию, ни по своим размерам не соответствовала новым стандартам. Нужно было приобретать новую классную и бытовую мебель и инвентарь, обувь, бельё, постельные принадлежности, учебники, учебные пособия, лабораторное оборудование. Нужно было реорганизовать структу-

ру училища, подобрать и укомплектовать штат вновь введенными должностями. Требования к срокам и качеству подготовки нового училища были очень высокими. Из училища не исчезали комиссии различных ведомств и уровней, сменяя друг друга, а зачастую, работая одновременно: из обкома, райкома, облисполкома, райисполкома, пожарники, санинспекция, журналисты. Они отнимали у меня много времени.

Однако, такая опека была вполне объяснима: государство забирало у родителей детей в порядке обязательного призыва и тем самым брало на себя ответственность за их здоровье, благополучие и создание им должных бытовых и учебных условий. Работа на всех участках шла успешно. Трудным местом была столовая – старая была небольшой и уже не отвечала новым требованиям. По решению городских властей был закрыт единственный в городе ресторан и его здание было передано нам под ученическую столовую. Был решен вопрос и с кадрами: заместителем директора по учебной части был назначен Александр Иванович Сорокин, командированный из Белорусского университета в Смоленский пединститут сроком на один год для замены в нём преподавателя кафедры физики, который был болен или отсутствовал по другой причине, сейчас уже не помню. Его несколько раз приглашали в обком партии вместе со мной. И с большим трудом уговорили его дать согласие. Нажимать на него было нельзя – он был беспартийный. Александр Ива-

нович был в высшей степени интеллигентным и мягким человеком. Заместителем по политико-воспитательной работе, по рекомендации Райкома партии был назначен работник Райкома Галактионов, был назначен и заместитель директора по хозяйственной части Ильинский. С ними тремя мне работалось легко. Были подобраны и другие работники: воспитатели, зав. библиотекой, медработник, коменданты общежития и другие работники. Старый преподавательский состав был хорошим и, в основном, остался целиком.

Все работы были закончены в срок. Всё было готово к приёму учащихся: заново отремонтированные классы, кабинеты и мастерские, застелены белоснежным бельём кровати в общежитиях, покрыты белоснежными скатертями столы в уютной светлой столовой.

2 октября 1940 года было опубликовано Постановление ЦК ВКП (б) «О создании Государственных трудовых резервов». Последняя комиссия всё приняла, а 14 октября 1940 года бюро Обкома партии утвердило меня в должности директора вновь созданного ремесленного училища №5 связи, а через несколько дней на автобусах, украшенных лозунгами прибыли учащиеся первого призыва. Во встрече участвовали партийные и советские работники, представители областных органов и прессы. После приветствий и напутствий учащиеся под звуки оркестра, под руководством мастеров производственного обучения и преподавателей направились в гостеприимно распахнутые двери училища. Через некото-

рое время учащихся одели в новую форму, несколько похожую на дореволюционную гимназическую форму, но не серого, а темно-синего цвета.

Началась обычная жизнь, как и во всех других учебных заведениях, со звонками на урок и с урока, с переменами, расписаниями, педсоветами, мелкими проблемами, которые всегда бытуют в школьных коллективах.

Этот процесс принял установившийся, спокойный, размеренный и необратимый характер и ничто не предвещало впереди каких-либо сбоев или перемен. В мае мы вывезли одну группу учащихся монтеров телефонно-телеграфных линий связи в количестве 25 человек на линейную практику в Руднянский район, находящийся от нас на западе области на расстоянии 100 километров. Остальные учащиеся проходили практику на месте.

2. НАЧАЛО ВОЙНЫ

Жизнь прочно вошла в отведенную для неё колею. Но внезапно всё перевернуло с ног на голову неожиданное, вероломное нападение фашисткой Германии на СССР 22 июня 1941 года и начавшаяся, в связи с этим война. Все считали это нападение просто провокацией и были возмущены, но не напуганы. Мы все были уверены, что Красная Армия даст достойный отпор агрессорам и немедленно выбросит их с нашей земли, но телеграмму я все же в Рудню послал, чтобы учащих срочно привезли обратно.

Однако, шли дни и положение на фронтах не улучшалось, и он становился всё ближе к нам. У нас забрали для армии единственную грузовую машину. 24 июня 1941 года, часов в 10—11 вечера мы слышали необычные воющие звуки, постепенно с приближением усиливающиеся: на фоне темнеющего неба мы увидели большое количество самолетов, в четком строю, летящих над нами в сторону Смоленска. Минут через 10—15 на тёмном горизонте, в той стороне, где был Смоленск, возникло огромное зарево, среди которого иногда взметались вверх и гасли потоки искр. В чистом вечернем воздухе издалека доносились ослабленные расстоянием глухие удары. Мы поняли – фашисты бомбят Смоленск. Было 24 июня. Шел 3-й день войны.

Прошло несколько тревожных дней. От учащих на за-

паде области в Руднянском районе известий не было. Телефонная связь с Рудней и Смоленском была прервана.

Я решил сам поехать за учениками. По моей просьбе райвоенком дал большой автобус с водителем из числа задержанных комендатурой на дорогах вокруг города и стоящих в охраняемом дворе военкомата. Подъехали к столовой, чтобы на всякий случай взять с собой продукты для учащихся в Рудне. Пока мы готовили продукты, шофер сбежал вместе с автобусом. Люди видели, как он на большой скорости промчался по улице в направлении к окраине города. Я подумал: «Хорошо, что это случилось здесь, а не где-либо в пути. Пришлось ещё раз идти к военкому. На этот раз он дал мне нашу машину и с нашим шофёром, местным жителем, которому бежать не было резона. Рано утром 27 июня 1941 года мы приехали в Смоленск. Город продолжал гореть. Не по всем улицам можно было проехать. На одной из центральных и красивейших улиц – Ленинской, большие дома чудесной архитектуры, в том числе огромное здание «Дворца труда» полностью выгорело изнутри и все, что не могло сгореть – металлические сейфы, пишущие машинки и другое со всех этажей провалилось вниз. Стояли пустые коптящие коробки и грустно смотрели пустыми оконными проёмами на некогда красивую, аккуратную, чистую и многолюдную улицу. Полностью обрушилось красивейшее и величественное здание областного телеграфа, где я когда – то работал и в глубоких подвалах которого за мощными сталь-

ными дверями, в прекрасно отделанных помещениях с новой мебелью и полами, застеленными ковровыми дорожками располагался резервный пункт управления Г.О. с полным комплектом дублирующих средств телеграфной и телефонной связи и автономным жизнеобеспечением. Все входы и выходы из этого здания были завалены горами битого кирпича и отдельными фрагментами зданий. Областного управления трудовых резервов я на месте уже не нашел. Посоветоваться, что делать с училищем было не с кем. Вокруг лежал израненный город, горы кирпича, запах смрада и дыма, грустные подавленные горем люди, торопливо куда-то бегущие. Тоскливо и как бы беспомощно смотрели на город своими боевыми амбразами древние крепостные стены и башни, когда-то надёжно защищавшие его. Кажалось, что они говорили с укором: «Люди, как вы допустили это?». Телефонной связи с Рудней и Духовщиной не было. Что с учащимися, получили ли они мою телеграмму и выехали ли они обратно я не знал, и мы с шофёром, не теряя времени выехали на запад к линии приближающегося фронта. Вся дорога была забита войсками, двигавшимися в том же направлении, что и мы и поэтому мы двигались не так быстро, как хотелось, часто в пути нас останавливали и проверяли документы, объясняя это близостью фронта и опасением немецких диверсантов, проникавших под видом советских военнослужащих или беженцев в места скопления наших войск. В одном месте нас чуть было не повернули об-

ратно: при очередной проверке документов офицер с двумя «шпалами» на петлицах (по-современному -майор) сказал мне: «Какого черта туда едите? Вблизи Рудни идут бои. В чьих он руках неизвестно. Пока не поздно поворачивайте обратно!». С трудом я уговорил его пропустить нас. Он устало махнул рукой и сказал: «Пропустите». В пригороде Рудни, к моей большой радости, мы нашли учащихся и их руководителя. Они были испуганы и растеряны, не знали что делать. Телеграмму они не получили – связи не было, поезда не ходили, продуктов почти не осталось. Накормив и усадив учащихся в машину, мы поехали обратно в обход Смоленска в Духовщину. Тем временем вблизи Духовщины стали появляться наши войска. В городе был создан истребительный отряд для борьбы с немецкими диверсантами и шпионами. Было введено ночное дежурство жителей у своих домов, вырыты щели-укрытия. Училище получило две японские винтовки с комплектом патронов к ним. Каждый вечер и до утра около учебного корпуса дежурил кто – либо из работников училища.

В ночь на 29 июня 1941 года мы были разбужены гулом и воем сирен фашистских самолетов. Была чудесная летняя ночь. Над нами в сторону Смоленска летело очень много, волна за волной, немецких самолетов. Казалось, что они летят неторопливо, спокойно, уверенно, как на какую-то повседневную работу, и лишь пронзительный, проникающий в душу вой их сирен сверлил мозг и вызывал безотчётную

тревогу. Через несколько минут в той стороне, где находился Смоленск, как и в прошлый раз, взметнулось огромное зарево. Доносились тяжелые, глухие удары, как будто били по чему-то живому. Временами небо над городом озарялось особенно ярко от осветительных бомб, сбрасываемых на парашютах, иногда горизонт становился багровым и его прорезали многочисленные огненные вспышки. А немецкие самолеты продолжали пролетать над нами к Смоленску, волна за волной, добивать израненный город, и мы ничего не могли поделать.

Прошла пара тревожных дней. Приезжали некоторые родители из восточных, ещё относительно спокойных районов области за своими детьми. Связи со Смоленском так и не было. Где располагается наше областное управление трудовых резервов мне было не известно. С первого дня войны оно ничем не давало знать о себе. В один из таких тревожных дней, утром, я увидел в небе одиночный немецкий самолет. Это был разведывательный самолет, если не ошибаюсь, Фокс-Вульф, двухфюзеляжный, который за его форму называли «Рамой». Такой самолет уже не раз пролетал над городом с запада на восток. Но на этот раз они не полетел дальше, а покругил над нашим городом, как бы что-то высматривая и полетел обратно на запад. Это меня очень встревожило. Так было и со Смоленском: сперва днем «Рама» пролетала над нами в направлении Смоленска, а потом, когда темнело прилетали другие самолеты «Юнкерсы» и начинали бомбить

город. Я понял – это разведка перед бомбёжкой. Я сразу же собрал всех преподавателей и мастеров производственного обучения и поручил им немедленно увести всех своих учеников в лес, который находился в 4—5 километрах от города. Я объяснил им, что перед бомбежкой Смоленска к нему каждый раз летала «Рама», а сейчас «Рама» кружила над нами и дальше не полетела, и что то, что случилось со Смоленском может сегодня случиться и с нами. Если же ничего ночью не случится, то не случится и с учащимися – ночь тёплая, и они с удовольствием переночуют на чистом воздухе. Рекомендовал работникам забрать свои семьи и присоединиться к учащимся. Что они и сделали.

3. ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Я остался в училище. Поскольку того работника, который должен был дежурить до утра я отправил со своими учащимися в лес, то я дежурил за него сам. Был тихий, тёплый, наполненный ароматом цветов июльский вечер. В 12 часов ночи меня сменил помощник по хозяйственной части Ильинский. Ночь была безветренной и тёплой, и я прилег на траве у края щели – укрытия, вырытой возле училища. Проснулся я внезапно от нарастающего шума. Прямо надо мной, очень низко, почти касаясь колесами деревьев, с ревом, в сторону Смоленска пролетел советский самолет «У-2». Я заметил красные звезды на его крыльях. Видимо, он убегал от немецких самолетов. Послышался воющий звук приближающихся фашистских самолетов. Раздались взрывы. Взрывной волной меня повалило на землю, я спрыгнул в щель-укрытие. Земля вздрагивала от тяжелых ударов, запахло дымом и гарью. Сколько продолжалась бомбёжка, я не заметил. Было уже совсем светло. Когда налёт окончился я побежал в райком и райисполком. Здание райкома было почти цело, но без окон и дверей. Внутренние перегородки были сорваны со своих мест и либо упали, либо стояли развернутыми на 90 градусов. В здании никого не было. Пол был усеян бумагой и битым стеклом от упавших книжных шкафов. На улице вокруг были разбитые здания, некоторые из них го-

рели. Телефонной и телеграфной связи не было. Местное руководство куда — то исчезло. Я понял, что надеяться на чью-либо помощь нечего и оставаться в городе больше нельзя, тем более, что ещё вчера стало известно, что северо-западнее в 46 километрах от нас, у города Демидов идут бои, а находящаяся от нас в 28 километрах на юго-западе деревня Донег уже занята немцами и поэтому я принял решение увести всех учащихся и работников училища, которые этого пожелают, в глубокий тыл на восток. О своём решении я объявил им на месте ночлега в лесу. Велел всем никуда не расходиться и ждать меня, а сам с несколькими работниками училища отправился обратно в город за продуктами на дорогу. На наше счастье здание столовой было цело. Еще до налёта повара растопили плиту и начали готовить завтрак, который начинался в 8 часов утра. Во время налета они сидели в подвале, а завтрак варился сам по себе. За это время каша сварилась. Мы не стали её перекладывать в другую посуду, а залив топку водой, разобрали кирпичную кладку и весь котёл целиком поставили на телегу, погрузили хлеб и другие продукты, которые оказались в кладовой, а так же миски и ложки и эту подводу вместе с двумя поварами (они дошли с нами до Оренбурга и работали в нашей столовой до конца войны) отправили в лес, к учащимся. Нам предстоял долгий и длинный путь, поэтому я послал за второй подводой, чтобы погрузить оставшиеся сухие продукты питания. Пока за ней ходили, а потом нагружали, я обошел все общежи-

тия и кабинеты училища, чтобы убедиться, что никто в них не остался. В одном из кабинетов я взял компас, и он мне очень помог в пути. В это время над городом опять появилась «Рама». Видимо её послали проверить качество «работы» юнкерсов. От неё вниз полетели листовки, небольшие белые листы на русском языке, а внизу мелким шрифтом выходные данные на немецком. В одной предлагалось солдатам и офицерам сдаваться в плен и гарантировалось хорошее обращение и питание, а больным и раненым лечение. В другой, призывали убивать комиссаров, коммунистов и евреев. Одновременно с листовками «Рама» сбрасывала какие-то прозрачные небольшие пластинки, которые падая вниз, воспалялись.

К территории училища примыкал лесопильный завод. Его огромная территория была покрыта толстым, слежавшимся за долгие годы слоем опилок. Там, где падали эти пластинки, возникали небольшие очаги огня. Я и мой заместитель по хозчасти Ильинский начали из снятых с пожарных щитов ведер заливать их, и они гасли. Видимо, это не понравилось тем, кто был в «Раме», и они начали стрелять по нас из пулемёта. Мы вбежали в какой-то кирпичный сарай, «Рама» немного покружила над нами и улетела. Вблизи горела крыша на большом, красивом, деревянном доме. Дверь была заперта. В доме никого не было. Вдвоём с Ильинским мы вынесли из дома что смогли и успели, в том числе большой старинный сундук. Почему мы это сделали, я не знаю.

Видимо, нами руководил инстинкт противостояния пожару: ведь все кругом горело и все спасенные нами вещи, в том числе и сундук, неизбежно сгорели бы под развалинами дома. В это время прибежал посланный из столовой и сказал, что подвода погружена. Чтобы сократить путь, мы побежали напрямик через дворы. Пробегая мимо какого —то сарая с горящей крышей, мы слышали доносящийся из него отчаянный визг свиней. Дверь была снаружи подперта толстой палкой. Я с ходу отбросил её. Ворота распахнулись и оттуда с визгом вылетело несколько свиней. Их спины были покрыты растопленным жиром, он стекал вниз под брюхо и капал на землю.

В столовой уже на подводу погрузили, сколько могли крупы, муки, хлеба и других продуктов. В училище взяли несколько шинелей для учащихся, кто в лесу оказался без них. Заодно вынесли инструменты духового оркестра, уложили их в щель-укрытие и засыпали землей. Этот новенький полнокомплектный духовой оркестр был подарен училищу. Потом я не раз вспоминал этот случай и не мог понять почему мы решили, что нужно спасать именно его. Видимо, потому что он неожиданно попался нам на глаза, и мы увидели его во всем блеске новизны.

Была уже вторая половина дня, когда мы приехали в лес. Ученики собирали и рвали сброшенные и здесь листовки. Все было готово к выходу, но я решил выходить, когда начнет смеркаться, так как все время барражировавшие в небе

немецкие самолеты могли заметить нашу колонну и обстрелять нас, тем более что учащиеся были одеты в единообразную форму и в фуражках с блестящими козырьками и летчики могли принять нас за воинскую часть. Начало смеркаться, в лесу было уже совсем темно. Дав всем перекусить, я вывел людей из леса и повел их на восток. Впереди шли работники училища, за ними учащиеся, потом члены семей работников с маленькими детьми и пожилые люди и замыкали нашу колонну две подводы с продуктами, на которые иногда присаживались женщины с маленькими детьми и старики.

Отойдя километров десять, мы заночевали на опушке какого-то леса, к которому примыкало большое пшеничное поле. Проснулись мы от шума приближающейся автомашины. Прямо по пшеничному полю, подминая под себя высокие густо стоящие колосья пшеницы к нашей стоянке двигалась автомашина с сидящими в кузове солдатами в касках и с карабинами в руках. Из кабины выскочил лейтенант с двумя кубиками на петлицах и торопливо спросил, как проехать к деревне, название которой я уже не помню. Никто из нас ответить ему не смог, так как не знали. Он вскочил обратно в кабину, на ходу крикнув нам: «Уходите отсюда. Немцы рядом!». Машина развернулась и опять по пшеничному полю, оставляя после себя еще один широкий коридор прижатых колосьев, двинулась в том направлении, откуда пришли мы. Было часов 6 утра. Стояло солнечное теплое июньское утро. Утренний ветерок колыхал высокую густую пше-

ницу и поле походило на водную гладь, по которой пробегают мелкая водяная зыбь. Все вокруг дышало спокойствием и лишь две широкие полосы погибшей под колесами автомобиля пшеницы, словно раны на теле земли, да приглушенные расстоянием тяжелые сотрясающие землю удары напоминали о суровой действительности. Не став завтракать, мы двинулись по проселочной дороге, идущей вдоль леса и, пройдя еще несколько километров все же остановились т.к. все с непривычки очень устали: ведь шли всю ночь, а спали всего 2—3 часа. Утром в какой-то деревне, в сельсовете, председатель подарил мне карту Смоленской области с фрагментами соседних Московской и Калужской областей, и теперь, имея её и компас, я мог вести людей в заранее избранном направлении, в обход крупных населенных пунктов, которые могли подвергаться бомбёжке или уже были заняты немцами. Путь был долгим и трудным. В день мы могли проходить от 10 до 20 километров в зависимости от обстановки, погоды и самочувствия людей. В некоторых деревнях мы покупали хлеб, иногда и другие продукты в дополнение к взятым с собой. Варили из них пищу. Готовили её ушедшие с нами повара из нашей школьной столовой, одну из них звали Ульяна, а имя второй, кажется, Полина. Иногда мы нагоняли стада коров, перегоняемых в тыл. Тогда мы и имели молоко. Обычно большие стада сопровождали 3—4 человека. Не выдаивать их было нельзя, а использовать молоко было негде и некому и его выливали на землю. Были случаи, ко-

гда наши женщины выдаивали попавшихся в пути бродячих коров, видимо отбившихся от стада или из покинутых жителями деревень. Уже был июль, наливалась рожь и пшеница, стручки гороха уже имели сочные зерна, и они были для нас большим подспорьем в питании. Таким образом, ученики не голодали. В конечный пункт мы прибыли, не имея ни одного дистрофика или больного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.